

© Д.В. ШАПОЧКИН

Dm_Vl_Sch@hotmail.com

УДК 811.112.2'242

ЭКОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА*

АННОТАЦИЯ. В статье отражается широта спектра исследования политического дискурса в аспекте его эколингвистического моделирования на уровне макро- и микромира человека.

SUMMARY. This article reflects a wide range of studies of political discourse in the aspect of its ecolinguistic modeling at the level of the macro-and microcosm of a human.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Эколингвистическое моделирование, политический дискурс, языковая личность

KEY WORDS. Ecolinguistic modeling, political discourse, linguistic person

Эколингвистика как особое научное направление подразумевает исследование каких-либо отношений между абсолютно любым естественным языком и его так называемым окружением. При этом в качестве доминантного компонента выступает непосредственно окружающая среда, которая приравнивается к социуму [1]. Социум в данном случае может рассматриваться разными учеными как родоначальник какого-либо четко фиксированного, в рамках конкретного института, дискурсивного общения.

В свете современных исследований анализирование всевозможных институциональных видов дискурса и их эколингвистическое моделирование представляются наиболее перспективными и востребованными в рамках всевозможных экстралингвистических факторов использования языка.

Целью данной работы является определение вектора и установление широты спектра исследования политического дискурса в аспекте его эколингвистического моделирования.

Потребность в эколингвистическом моделировании политического дискурса состоит в том, что оно позволяет взглянуть на существующие тенденции в обществе применительно к использованию общей языковой нормы в конкретной (в нашем случае политической) и отдельно взятой, социально обусловленной коммуникативно-дискурсивной среде. Эколингвистическое моделирование подразумевает детальное изучение представления языковых знаний и их передачи при анализе политического дискурса в неразрывной связи с когнитивно-

* Исследование выполнено в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009-2013 годы», тема «Проведение научных исследований в области экологии языка и смежных наук» (ГК № 02.740.11.0594).

прагматической деятельностью человека (политика), а также необходимость создания стратегических моделей построения дискурса.

Под политическим дискурсом в данной работе понимается особая знаковая система какого-либо национального языка, предназначенная для политической коммуникации: для пропаганды тех или иных идей, эмотивного воздействия на граждан страны и побуждения их к политическим действиям, для выработки общественного консенсуса, принятия и обоснования социально-политических решений в условиях множественности точек зрения в обществе. В центре внимания политического дискурса всегда предстает, как правило, конкретная языковая личность, в нашем случае это конкретный политический деятель. Языковую личность можно охарактеризовать с позиций лингвистического сознания и речевого поведения, т.е. с позиций лингвистической концептологии и теории дискурса. Особый интерес и некоторое наглядное проявление понятие «языковая личность» получает в политическом дискурсе, поскольку он является наиболее влиятельным на общественное сознание и широко распространен в средствах массовой коммуникации.

Соответственно, исследование политического дискурса лежит в рамках антропоцентрической научной парадигмы, ставящей на первое место человека, язык которого считается его главной характеристикой, важнейшей составляющей.

В любом случае введение в лингвистику антропологического подхода к языку активизировало интерес к личностным и социальным сторонам деятельности говорящего. Стало ясно, что реализация и интерпретация определенных стратегий речевого общения не могут осуществляться без учета многообразных личностно- и социокультурно-экзистенциальных аспектов коммуникативного процесса.

Проблема понимания в данных коммуникационных процессах, как представляется, является определяющей для категории экзистенциальности, предстающей в рамках данной статьи в духе экзистенциально-герменевтической традиции, базовой предпосылкой которой является допущение сообщества автономных индивидов, обладающих собственной точкой зрения и нравственной позицией.

Концептуально это означает, что язык не представляется без посредствующего звена экзистенциальности, согласно точке зрения немецкого философа-основателя герменевтики Г.-Г. Гадамера, т.е.:

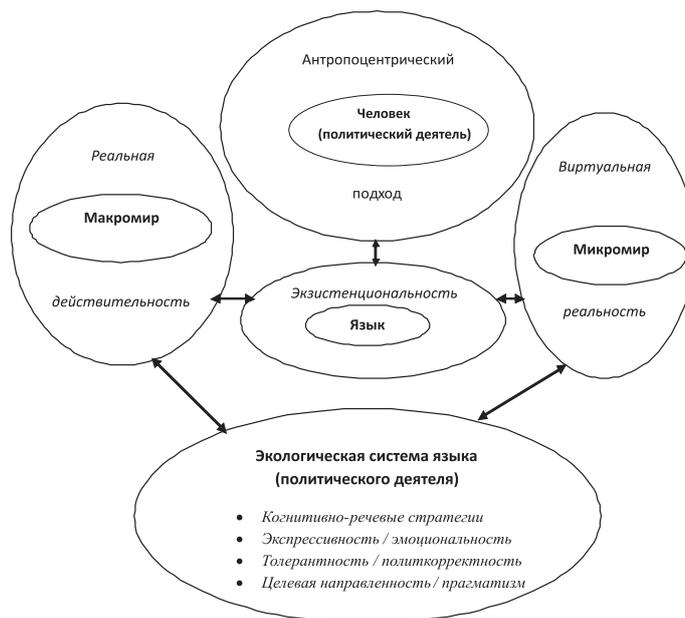
- язык укоренен не только на уровне тех или иных дискурсивных практик, но и на уровне экзистенции глубинного внутреннего диалога человека с самим собой. Человек — существо тотально языковое. Даже «отказ языка служить нам свидетельствует о его способности искать выражение для чего бы то ни было, а сама утрата дара речи есть уже некоторый вид речи; эта утрата не только не кладет конец говорению, но, напротив, позволяет ему осуществиться»

- в социально-коммуникативном опыте взаимодействия людей есть иррациональные, связанные с человеческой экзистенцией, языковые пласты, в которых человек интимно сопрягается с душой другого человека, сохраняя при этом нетронутой суверенность последней. Именно на уровне этих глубинно-экзистенциальных языковых пластов и вершится межличностное понимание, как бы выбрасывающее экзистенции общающихся людей навстречу друг другу [2; 127-132].

В целом экзистенция — это центральная категория экзистенциальной философии (Серен Обю Кьеркегор, Карл Теодор Ясперс, Мартин Хайдеггер, Жан-Поль Шарль Эмар Сартр, Габриэль Оноре Марсель и др.), обозначающая прежде всего уникальное и непосредственно переживаемое человеческое существование. Так, согласно немецкому философу Мартину Хайдеггеру, создавшему учение о Бытии как об основополагающей и неопределимой, но ко всему причастной стихии мироздания, а также предположившему, что зов Бытия можно услышать на путях очищения личностного существования от обезличивающих иллюзий повседневности (ранний период) или на путях постижения сущности языка (поздний период), такое существование — экзистенция — относится к особому сущему — *Dasein* — и должно рассматриваться в особой экзистенциальной аналитике [3].

Итак, если учитывать экзистенциальность языка как антропологический опыт мира (концепция языкового существования человека), раскрывающего первичное нерациональное отношение человека к миру и другим людям, в этом случае появляется возможность «творческого» подхода к языку, который уделял бы особое внимание его иррациональным аспектам и интуитивной языковой деятельности человека в пределах уже макро- и микромиров. В данном случае макромир предстанет как внешне необъятное, но реальное пространство (речь идет о реальной, материальной действительности), а микромир — как некое беспредельно-необозримое виртуальное пространство (речь идет о виртуальной реальности).

На основе вышеизложенного представим возможную широту спектра исследования политического дискурса в аспекте его эколингвистического моделирования на уровне макро- и микромира человека:

Вышеприведенная модель свидетельствует о том, что категория экзистенциальности является важным связующим звеном в экосистеме языка, поскольку представляет собой взаимодействие между языком, человеком (политическим деятелем) как языковой личностью и его окружающей средой (макромиром

и микромиром). Язык при этом рассматривается как неотъемлемый компонент цепи взаимоотношений между человеком (политиком), обществом и природой. Функционирование и развитие языка представляется как экосистема.

Следует подчеркнуть, что экологическая система языка представляет собой сложное и неоднородное явление, включающее, с одной стороны, всевозможные способы развития, пополнения и совершенствования практики дискурсивного общения в сфере политики, а также создания благоприятного культурного фона. С другой стороны, она включает изучение факторов, которые могут негативно влиять на развитие и использование языка.

Рассматривая политический дискурс согласно данной модели, особо следует подходить к анализу:

- 1) когнитивно-речевых стратегий;
- 2) экспрессивности / эмоциональности;
- 3) толерантности / политкорректности;
- 4) целевой направленности / прагматических установок.

Когнитивно-речевые стратегии

В политическом дискурсе языковую личность также характеризуют коммуникативные стратегии. Коммуникативные стратегии являются важной характеристикой поведения языковой личности. Стратегии общения представляют собой «цепочку решений говорящего, его выбор определенных коммуникативных действий и языковых средств», либо «реализацию набора целей в структуре общения» [4; 37]. Стратегии общения прямо соотносятся с интенциями коммуникантов: если интенции носят глобальный характер, то имеются в виду собственно стратегии дискурса, внутренне присущие ему. Если же речь идет о достижении частных целей в рамках того или иного жанра определенного типа дискурса, то говорят либо о локальных стратегиях, либо о коммуникативных тактиках.

Итак, рассмотрим некоторые когнитивно-речевые стратегии, используемые политическими деятелями: *обобщение; приведение примера; поправка; усиление; (очевидные) уступки; повтор; контраст; смягчение; сдвиг; уклонение; пресуппозиция, импликация, предположение, косвенный речевой акт* [5].

1. *Обобщение*. Ход, используемый для того, чтобы показать, что (негативная) информация, только что приведенная или которая может быть приведенной, например, в случае из жизни, не просто «случайна» или «исключительна»; тем самым подкрепляется возможное общее мнение. Этот ход отмечает переход от модели к схеме. Типовые выражения: «И так всегда», «С этим сталкиваешься на каждом шагу», «Это без конца повторяется».

2. *Приведение примера*. Конверсный ход, показывающий, что общее мнение не просто «надумано», но основано на конкретных фактах (опыте). Типовые выражения: «Вот, например», «Например, на прошлой неделе», «Возьмите нашего политика. Он...».

3. *Поправка*. Это формульная или риторическая стратегия (часто лексическая). Контроль над индивидуальной речью порождает предположение, что некоторая формулировка либо референциально «ложна», либо может привести к нежелательной интерпретации и оценке слушающим глубинных импликаций или ассоциаций. Такой ход обычно является частью стратегии общей семантической адекватности или стратегии положительной самопрезентации.

4. *Усиление*. Формульная стратегия, нацеленная на лучший или более эффективный контроль над вниманием слушающего («привлечение внимания»), на улучшение структурной организации релевантной информации (например, негативных предикатов) или на подчеркивание субъективной макроинформации. Типовые выражения: «Это ужасно, что...; позор, что...»

5. *(Очевидные) уступки*. Ход, дающий возможность для условного обобщения даже в случае привлечения противоречащих примеров, либо позволяющий продемонстрировать реальную или воображаемую терпимость и сочувствие, то есть составляющие части стратегии положительной самопрезентации. Типовые выражения: «Среди них попадаются и хорошие люди», «Не стоит обобщать, но...», «Политики тоже могут так поступать» (что является также сравнением).

6. *Повтор*. Формульный ход, функции которого близки к усилению: привлечение внимания, структурирование информации, подчеркивание субъективных оценок, более значительных тем и т.д.

7. *Контраст*. Ход, имеющий несколько когнитивных функций. Риторическую: привлечение внимания к участникам отношения контраста (структурирование информации). Семантическую: подчеркивание положительных и отрицательных оценок людей, их действий или свойств — часто путем противопоставления МЫ-группы и ОНИ-группы (типичный пример: «*Нам* приходилось долгие годы трудиться, а *они* получают пособие и ничего не делают», «*Нам* пришлось многие годы ждать новой квартиры, а *они* получают квартиру сразу же, как только приедут») — и все ситуации, где прослеживается конфликт интересов.

8. *Смягчение*. Этот ход в общем случае обслуживает стратегию самопрезентации, демонстрируя понимание и терпимость, а также, по-видимому, «аннулирование» оценки или обобщения, которые не могут быть обоснованы. С его помощью предполагается заблокировать отрицательные выводы.

9. *Сдвиг*. Этот ход типичен для положительной самопрезентации. Типичный пример: «Мне-то, в общем, все равно, но другие депутаты в нашей фракции возмущаются».

10. *Уклонение*. В действительности это набор различных ходов, включенных в более общую стратегию уклонения. С когнитивной точки зрения уклонение от разговора или от темы может означать, что (1) релевантная информация об этнических меньшинствах в модели отсутствует или является неполной, (2) из модели можно извлечь только нерелевантную, не пригодную для передачи информацию и (3) из памяти можно извлечь только негативный опыт, а, следовательно, и мнения, но они блокируются общим принципом, запрещающим плохо отзываться о других людях или других группах людей. Типовые выражения: «Не знаю», «Я с ними не общаюсь», «Мне все равно, что они делают», «У меня нет времени...».

11. *Пресуппозиция, импликация, предположение, косвенный речевой акт*. Это семантические и прагматические ходы, позволяющие говорящему избежать формулирования некоторых частных суждений, а именно отрицательных замечаний или оценок, или перевести их в русло более общих, общепризнанных знаний или мнений, за которые говорящий не несет ответственности. Некоторые типовые показатели — обычные маркеры пресуппозиции (например, местоимения, определенные артикли, придаточные с союзом «что» при некоторых глаголах, специальные частицы и наречия, такие как «*даже*», «*также*» и т.п.),

использование 2-го лица для более абстрагированной или общей референции («все время с этим сталкиваешься»), расплывчатые выражения («и тому подобные вещи»), незаконченные предложения и случаи из жизни и т.д.

Экспрессивность / эмоциональность

Под экспрессивностью в данном случае понимается совокупность семантико-стилистических признаков единицы языка, которые обеспечивают ее способность выступать в политическом коммуникативном акте как средство субъективного выражения отношения говорящего к содержанию и адресату речи. Экспрессивность свойственна единицам всех уровней языка [6; 59]. В политическом коммуникативном акте параллельно с языковыми экспрессивными средствами используются многочисленные паралингвистические средства (громкость и тембр голоса, темп речи, мимика, жесты), способствующие усилению экспрессии речи и выражению психического состояния говорящего.

Экспрессивность как одно из свойств языковой единицы тесно связана с категорией эмоциональной оценки и в целом с выражением эмоций у человека. Проявление эмоциональности говорящего особенно характерно для публичного политического дискурса, это важный когнитивно-риторический аспект, отражающий настроение говорящего, которое, в свою очередь, передается слушающим.

В русско-, англо-, немецкоязычном публичном политическом дискурсе *эмоциональность* выражается:

- *соответствующими лексическими единицами с положительными и отрицательными коннотациями*: (англ.) honorable and equitable settlement (благородное и равноправное урегулирование); good faith (честные намерения); fullest justification (полнейшее оправдание); to live in peace and amity (жить в мире и дружелюбии); innocent people (невинные люди); independent notions (независимые нации); (нем.) friedlich lösen (мирно решать); eine Friedensmacht (мирная власть); die wirtschaftlichen Erfolge (экономические успехи) // (англ.) the awful arbitrament of war (ужасный арбитраж войны); burden (бремя); dispute (конфликт, ссора); terrible catastrophe (ужасная катастрофа); aggressive act (агрессивный акт); direct threat (прямая угроза); grave concern and anxiety (серьезная озабоченность и тревога); to conquer (захватывать); (нем.) fürchterliche Naturkatastrophe (ужасная природная катастрофа); die schrecklichen Bilder (ужасные картины), die Klimakatastrophe (климатическая катастрофа) и т.д.

- *«внутренними» предикатами*: (англ.) I fear... (я боюсь); I prayed... (я молился); I do not suggest... (я не предлагаю); I am compelled... (я вынужден); I deeply regret... (я глубоко сожалею); (нем.) Ich habe deutlich gemacht... (я ясно дал понять); Ich bin zutiefst davon überzeugt... (я глубоко в этом убежден); Ich sage das nicht... (я не говорю, что ...) и т.д.

- *модальными глаголами (они отражают отношение говорящего к содержанию высказывания (действительности))*: I cannot wish... (я не могу пожелать ...); I cannot afford... (я не могу себе позволить); I really can't say... (я действительно не могу сказать); We shall yet prove ... (мы должны еще доказать); (нем.) Ich darf nicht sagen... (я не могу сказать); Ich muß sagen... (я должен сказать); Dazu muß ich... (К этому я должен...) и т.д.

- *стилистическими средствами: метафорами, эпитетами, сравнениями и т.д.* Например, (англ.) the cancer of racism (рак расизма); the human

wickedness (человеческие пороки); as breeding places for their organisations (как места размножения (инкубаторы/ питомники) для своих организаций); (нем.) mit billigsten Vokabeln mehr und mehr... (самыми омерзительными словами все больше и больше...).

Толерантность / политкорректность

При характеристике политического деятеля как языковой личности всегда следует особо учитывать такое его качество, как толерантность, поскольку толерантность является четким показателем того, насколько политик владеет собой в компрометирующей его речевой или же стрессовой ситуации и не допускает эмоционального срыва в речи, начиная использовать недопустимую перед широкой аудиторией стилистически окрашенную фамильярную лексику. Некоторые результаты исследования политического дискурса показали, что понятие толерантность оказывается многозначным. Оно понимается как: 1) высокое душевное качество, способность личности без внутренней агрессии воспринимать другого, имеющего иные / противоположные ценностные установки; 2) терпимое, лояльное отношение к другому, сознательно признающее право его существования; терпимое отношение к убеждениям, мнениям и верованиям другого; 3) поведение человека в ситуации конфликта, подчиненное стремлению достичь взаимного понимания и согласования разных установок, не прибегая к насилию, подавлению человеческого достоинства, а используя гуманитарные возможности [7; 15]. Данное понимание позволяет определить толерантность, во-первых, как *психологический феномен* (душевное качество отдельно взятого политического деятеля); во-вторых, как *социальный феномен* (отношения между личностями, политиками, говорящими); в-третьих, как *коммуникативный феномен* (поведение личности в конкретной речевой ситуации). Толерантность многофункциональна, и поэтому ее рассмотрение с политических позиций вполне закономерно.

Что касается политкорректности, то она подразумевает прежде всего регламентацию принципов толерантности на практике, а именно: для нее характерно строгое следование стандартам лингвистического поведения, включающих в себя, в том числе, и нетолерантное отношение к тем, кто не одобряет практику политкорректности и толерантности. При всем своем уважительном отношении к широкому многообразию культур, всевозможным формам самовыражения и разноплановым способам проявления человеческой индивидуальности политкорректность устанавливает общеобязательные нормы лингвистического поведения. Таким образом, она становится своего рода общим знаменателем политического дискурса в демократическом обществе.

Целевая направленность / прагматизм

Целевая направленность политического дискурса предполагает со стороны говорящего донесение и разъяснение определенной информации слушающим, затрагивающей их общественные интересы и ценности (единство и благосостояние нации, создание конкурентоспособного государства с развитой экономикой, безопасность, свобода). Поскольку под политическим дискурсом понимается особая знаковая система, соответственно языковой знак обладает в нем не только семантикой (отношением к обозначаемому) и синтактикой (отношением) к другим знакам, но и прагматикой (отношением к пользующимся языком). Знаки языка могут производить на людей определенное впечатление: положительное, отрицательное или нейтральное; оказывать на них какое-то воздействие,

манипулируя сознанием вызывать ту или иную реакцию. Способностью оказывать на слушателя и читателя определенное прагматическое воздействие обладает и любое высказывание, и любой текст. Говорящий всегда подбирает языковые средства при построении высказывания в соответствии со своим намерением произвести определенное воздействие на реципиента.

Таким образом, эколоингвистическое моделирование политического дискурса способствует в определенной степени его целостному эстетическому восприятию и открывает широкий спектр научных направлений в рамках политической лингвистики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Haugen E. *The Ecology of Language*. Standford: Standford University Press, 1972.
2. Гадамер Г.-Г. Интервью // *Вопросы философии*. 1996. № 7. С. 127-132.
3. Хайдеггер М. *Время и бытие: статьи и выступления* / Сост., пер. с нем. и комм. В.В. Бибихина. М.: Республика, 1993. 447 с.
4. Макаров М.Л. *Анализ дискурса в малой группе*. Тверь: Изд-во Тверского университета, 1995. 82 с.
5. Дейк Т.А., ван. *Язык. Познание. Коммуникация*. М.: Прогресс, 1989. 312 с.
6. *Языкознание. Большой энциклопедический словарь*. М.: Большая Российская Энциклопедия, 2000. 688 с.
7. Михайлова О.А. *Толерантность в речевой коммуникации: когнитивные, прагматические и этические основания*. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2004. 591 с.